
Ольга Ечевская

ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОРИИ И ЖИЗНЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ В ОПТИКЕ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются истории людей, работавших в 1970–1990-х гг. на градообразующих предприятиях промышленного города в Западной Сибири, переживших кризис этих предприятий в 1990-е гг. На данных полужурналистских интервью с бывшими работниками заводов анализируется, как «разорванные биографии» собираются в связные, непрерывные во времени истории жизни, и как формирующиеся нарративные идентичности (в терминологии П. Рикера) задают горизонт воспринимаемых жизненных возможностей сегодня. Рассмотрены два контрастных примера формирования нарративной идентичности: как принадлежность к сообществу и как этическое постоянство. Сделан вывод о том, что артикулируемые представления о себе и собственных возможностях индивидуализированы, обращены в прошлое (либо не содержат «конструктивной повестки» в настоящем и перспектив на будущее) и работают на закрепление существующих неравенств, чем на их преодоление.

Ключевые слова: нарративная идентичность, постсоциализм, прекариат, социальная идентичность, социальное неравенство

Вопрос о теоретической актуальности понятия «постсоциалистический» для понимания процессов, происходящих в современных обществах,

---

Ольга Геннадьевна Ечевская – к. с. н., доцент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета, научный сотрудник отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, Россия. Электронная почта: echevskaya@gmail.com

все чаще выносятся на критическое обсуждение (см., например, Hann et al 2007; Pobłocki 2009). Однако понимание социальных неравенств в России невозможно без анализа их укорененности в (социалистическом) прошлом. Это особенно справедливо для небольших городов, выстроенных вокруг промышленных предприятий в послевоенные годы, а в начале 1990-х гг. переживших глубокий кризис.

В фокусе данного текста жизненные истории людей, работавших в 1970–90-е гг. на промышленных предприятиях Бердска, небольшого (на момент исследования – менее 100 тыс. жителей) города в Западной Сибири, расположенного в 30 км. от областного центра – Новосибирска. Во времена СССР Бердск – центр гражданской и оборонной промышленности – стоял «на трех китах», градообразующих предприятиях: Бердском радиозаводе (БРЗ, с 1985 г. – ПО «Вега»), Бердском электромеханическом заводе (БЭМЗ) и Бердском заводе биопрепаратов (БЗБИ). Предприятия были работодателями города, обеспечивали своих работников и их семьи жильем, предоставляли социальные гарантии, возможности проведения досуга, являлись центрами организации городской жизни. В середине 1990-х гг. предприятия Бердска были закрыты, последовали массовая безработица, резкое снижение уровня жизни населения, распад привычного уклада и городских сообществ¹.

Кризис 1990-х позади, заново выстроенная экономика города функционирует и развивается, но заводы продолжают присутствовать как в городском пространстве (заводские корпуса, микрорайоны, топонимы), так и в представлениях горожан о себе, своей жизни и сегодняшних возможностях. Анализ показывает, что кризис до сих пор четко разделяет жизни людей на «до» и «после», и фрагменты «разделенных биографий» складываются в связные истории жизни по-разному. Способы «связывания» разорванных биографий работают и как инструменты обоснования сегодняшнего положения дел, и как «фильтры» восприятия жизненных возможностей.

Задача текста – показать, как фрагменты «разорванных биографий» (нарративные идентичности) людей, работавших на предприятиях Бердска в 1970–1990-е гг., задают горизонт жизненных возможностей и способов их реализации. Статья написана на материалах интервью с жителями Бердска, собранных спустя десятилетие после кризиса. Сначала формулируются методологические ориентиры: определяется категория «нарративная идентичность» как инструмент анализа взаимосвязи представлений о себе и жизненных возможностей. Затем рассматривается трансформация жизни после кризиса предприятий – как менялись сообщества, отношения и люди. Далее на примерах двух интервью показаны контрастные способы формирования нарративной идентичности и выстраивания связных историй жизни на основе «разорванных биографий».

¹ Подробнее о развитии, масштабах и кризисе градообразующих предприятий г. Бердска см.: Ечевская (2014).

В заключении обсуждается взаимосвязь нарративной идентичности и (воспринимаемых) жизненных возможностей.

В рамках проекта «Российская бедность в локальном измерении», реализованного в 2007 г. и поддержанного фондом «Хамовники», в Бердске исследовательской группой было собрано 91 глубинное (лейтмотивное) интервью с жителями и 10 интервью с экспертами – работниками местных органов власти, учреждений социальной защиты населения, музейными работниками. Эмпирическую базу настоящего исследования составили 25 интервью, которые показывают, что люди, работавшие на предприятиях Бердска, продолжают воспринимать и описывать город в терминах «трехзаводской структуры» (завод-микрорайон-инфраструктура с соответствующими топонимами) и в рассказах о себе и о городе возвращаются к сюжетам из «заводской жизни», разделяя жизнь на «до» и «после». В данном случае мы имеем дело с историями об общем опыте распада привычного и понятного мира и выстраивании на его месте чего-то нового. Опыт этот переосмысливается людьми в контексте сегодняшних обстоятельств, разорванные истории жизни «пересобираются», события прошлого излагаются и объясняются ретроспективно; в результате рассказанная история жизни – не столько описание реальности и происходящих в ней событий, сколько одновременно усилие и инструкция по ее пониманию, определению информантом себя и своего места в ней. Такое прочтение рассказанных историй подводит нас к категории «нарративная идентичность».

К определению нарративной идентичности

Нарративная идентичность понимается как представление человека о себе, артикулированное в контексте прошлого и настоящего в определенном момент времени, в специфической ситуации интервью. С одной стороны, нарративная идентичность – конструкция, основанная на опыте человека, собранная из его значимых фрагментов; с другой стороны, нарратив – это рассказанная история, предполагающая отбор событий и их (временную и логическую) организацию и предлагающая (или предполагающая) объяснение или обоснование этой организации. И только в связке с логикой выстраивания сюжета события, отобранные для рассказа, становятся осмысленными в контексте целостной картины жизни информанта.

Другими словами, «событийный» и «рассказанный» аспекты истории жизни одинаково важны. Более того, в связке они работают на создание непрерывной и осмысленной истории жизни: из фрагментов опыта складывается сюжет, а обоснование значимости выбранных для рассказа эпизодов и временная организация повествования обеспечивают цельность, целостность субъекта (я – это все еще я, несмотря ни на что). Очевидно, усилия по обеспечению связности и целостности истории (и себя) предпринимаются не каждым информантом; более того, связность истории скорее

ождается от «официальных» биографий и художественных произведений, чем от спонтанных рассказов о себе в ситуации интервью. Но именно в интервью с бывшими работниками заводов эти усилия наиболее заметны.

Мы обратились к концепции нарративной идентичности Поля Рикера (Рикер 2008), для анализа способов обеспечения связности. В концепции Рикера нарративная идентичность определяется как способ поддержания непрерывности субъекта (рассказчика) во времени, совмещающий два элемента: *idem* («тождественность») и *ipse* («самость»). Тождественность (*idem*) – идентичность по принципу подобия (индивида самому себе в разные моменты времени) – идентичность «узнавания» или «распознавания». Критерий подобия хорошо работает на небольших временных интервалах, но оказывается слабым в случае большой временной дистанции; когда критерий подобия ослабевает, мы обращаемся к другому критерию идентичности – «отсутствию прерывания между первой и последней стадией того, что мы считаем одним и тем же индивидом» (Рикер 2008: 146).

Далее Рикер выделяет две (противоположные) модели постоянства во времени, которыми мы располагаем, говоря о себе: «характер» и «сдерживаемое слово». Характер определяется как «совокупность отличительных признаков, по которым можно определить индивида как самоидентифицирующегося» (Рикер 2008: 148) и обозначает совокупность длительных предрасположенностей, по которым мы узнаем личность. Постепенные незаметные изменения накапливаются, закрепляясь в узнаваемых чертах. Полнос «характера» отражает модальность идентичности, в которой *idem* и *ipse* совпадают: аспекты оценочного предпочтения (*ipse*) внедряются в характер как его отдельные черты, определяя этический компонент идентичности (Рикер 2008: 152). В этом смысле «характер» схож с понятием габитуса в концепции Пьера Бурдьё (Трус 2011).

Полнос «сдержанного слова» означает, напротив, не накопление изменений, а их отрицание, «вызов времени»: как бы ни менялись мои желания и наклонности – я не изменюсь. Такое этическое основание непрерывности, «сохранение самого себя в обещании» (Рикер 2008: 155), предполагает другой модус идентичности, не совпадающий с характером (*idem*). Нарративная идентичность, по Рикеру, колеблется между двумя описанными полюсами: «упорством характера» и «сохранением себя в обещании», между двумя пределами: нижним, в котором постоянство во времени обеспечивается совпадением *idem* и *ipse*, и верхним, в котором *ipse* ставит вопрос об идентичности без помощи и поддержки *idem* (Рикер 2008: 155).

Это разграничение представляется важным для исследования историй жизни, в которых индивиды (ре)конструируют себя и свои биографии как непрерывные во времени, несмотря на разрывы, после которых жизнь как бы «начинается заново». В той ситуации, когда «социальное основание» идентичности (*idem*) разрушается и перестраивается, ослабевает критерий подобия (индивид больше не подобен себе прежнему), и «самость» (*ipse*)

начинает играть организующую роль, обеспечивать непрерывность субъекта во времени без опоры на *idem*.

Наличие «критического события» – нарушение непрерывности *idem* – не только создает интригу и основу сюжета для рассказа об истории жизни, но и запускает другие модальности идентичности. И в этом смысле, выстраивание нарративной идентичности – это не только изменение принципов и инструментов организации жизненной истории как рассказа, но и работа по переопределению прошлого и (рефлексивное) управление собственной биографией. Нарративная идентичность может иметь «реальные» последствия за пределами рассказа или ситуации интервью. Мы оставляем за рамками дискуссию об онтологическом статусе нарративной идентичности (существует ли нарративная идентичность за пределами рассказа, или создается «в соавторстве» интервьюера и информанта, и исчезает после того, как интервью заканчивается). Но существование некой «нарративной идентичности» за пределами рассказа неочевидно, а «реальность» жизненных историй, рассказываемых людьми в ситуации интервью, зачастую подвергается сомнению (Бурдые 2002; Рождественская 2010).

Согласно Рикеру, чьих идей мы придерживаемся, именно включенность в нарратив делает событие событием, реальным для рассказчика. По Рикеру, событие «подчинено интеллигибельности нарративной интриги: его время и место обусловлены согласованностью сюжета. Нерассказанный же фрагмент человеческого опыта остается лишь неким случаем» (Борисенкова 2013). Содержание нарратива социально сконструировано, поскольку рассказчик, ориентируясь на слушателей, присваивает событиям определенное значение и производит отбор, выбирая для повествования наиболее достойные из них. Кроме того, нарратив обладает способностью переписывать социальные события, подчиняя их порядок логике повествования, трансформируя их изначальную последовательность. Это не означает «придуманности» истории, но подчеркивает важность понимания смысла всей истории как целого – реконструирования логического порядка, организующего нарратив, в котором событие оказывается важным для понимания реальности (с точки зрения) информанта. Подобную задачу мы и пытаемся решить.

Именно переход от «выстраивания истории» к «управлению биографией» позволяет сформулировать основной вопрос, вокруг которого строится анализ текстов интервью: как связаны нарративная идентичность и (воспринимаемые) жизненные возможности? Попробуем ответить на этот вопрос на основе материалов собранных нами интервью.

Бердск до и после кризиса в воспоминаниях жителей города

В литературе о постсоциалистических трансформациях подробно описаны логика и последствия перехода от плановой индустриальной экономики к рыночной, что бы это ни значило. Показаны разнообразные

траектории и последствия этого перехода для рынка труда и занятости, в том числе для отдельных профессий (Ashwin 1998; Kalb 2002; Stenning 2010), потребления и образа жизни (Gronow 2003), городских сообществ и солидарностей (Stenning 2010). Новая экономическая реальность («рыночная экономика» вместо плановой) и новые социальные формы (специфическая версия «гражданского общества» вместо партийного государства) в среднесрочной перспективе обеспечили относительные преимущества более молодым и образованным, большие преимущества – элитам и тем, кто имеет связи. При этом «на периферии» оказались те, чьи квалификации не были востребованы новыми экономическими условиями – рабочие и ИТР промышленных предприятий, а также те, кто живет на периферии новой глобальной системы, «вдали от новых постсоциалистических центров формирующейся глобальной экономики» (Kalb 2002: 318).

Неравенства в доступе к ресурсам становятся все более острыми, жизненные возможности определяются близостью к группам влияния, структурными условиями, а также особенностями социально-экономического положения: классовая позиция, гендер, возраст, рыночность / востребованность профессий и навыков. Распад сообществ, индивидуализация общества и декларируемое (идеологией индивидуализма и свободной рыночной конкуренции) «равенство возможностей» работают на переопределение структурных ограничений в «индивидуальные провалы и неудачи», и интериоризируются людьми как собственные неспособности и недостатки (Wacquant 2008).

Обозначенные проблемы четко видны на Бердском материале. Ситуация середины 1990-х описывается в терминах утраты понятного и предсказуемого мира, неопределенности, незащищенности, отсутствия ориентиров в новых условиях:

Многие не понимали, как это – сократили? Куда сократили? И куда теперь идти? Ведь вся жизнь была, в общем-то, расписана – родился, выучился, устроился на завод... И дальше по накатанной: ты просто делаешь свою работу, а все остальное сделают за тебя: зарплаты, премии, детский садик, школы детям, санаторий летом, ну вы это всё знаете. И как без всего этого, куда? (жен., 1954 г.р., 2008, Бердск, работала на ПО «Вега»).

В том или ином виде звучит мысль о распаде сложившихся связей между людьми:

раньше мы чего-то вместе делали, собирались, а сейчас в основном с семьей, с родными, возраст уже, да и устаем так, что ничего не хочется (жен., 1957 г.р., 2007, Бердск, работала на ПО «Вега»).

Совместная деятельность большого числа людей, работающих на общее дело, сменилась индивидуализированными стратегиями выживания:

Вот раньше смотришь утром в окно, начало рабочего дня – по улице просто река людей текла, все вместе шли на работу, и как-то это, знаете, переполняло. Сейчас уже полегче, в девяностые страшно было,

а сейчас работа какая-то есть, пусть не очень оплачиваемая, пусть не очень по специальности, но где-то как-то можно человеку устроиться (жен., 1954 г.р., 2008, Бердск, работала на ПО «Вега»).

Встречаются рассказы об «историях успеха», в которых кризис заводов описывается в терминах открывшихся возможностей, а не утраченных ориентиров:

Есть, конечно, люди, которые потерялись. Но есть те, которые нашли себя. Вот эти десять с половиной тысяч на Вега. . . Сколько там было никчемных инженеров. . . Они заканчивали технические вузы и сидели там, выполняя нередко придуманные функции. А здесь нашли себя (эксперт, начальник одного из отделов городской администрации, 2007, Бердск).

Зачастую, «истории успеха» рассказываются как «удачные стечения обстоятельств» (никак не связанные с социальной позицией «успешного») и используются в качестве доказательств того, что новое время принесло новые возможности, потенциально открытые каждому, сумевшему их увидеть и использовать:

Вот есть у нас ортопедический центр. Сегодня это частная организация. Он инженер с БЭМЗа, попал в аварию. Пытался организовать свое дело, был в командировке в Москве, попал в аварию, теряет ногу. Ему сделали германский протез, он возвращается сюда. . . и создает организацию, которая будет изготавливать протезы < . . . > и сегодня они отодвинули протезный завод в Новосибирске (эксперт, начальник одного из отделов городской администрации).

Те же, кто не смог «найти себя» в новых условиях, нередко используют эти истории в качестве подтверждения собственной неполноценности: такой же инженер, как мы, смог, а мы не смогли – значит, это с нами что-то не так. Далее рассмотрим подробнее, как структурные ограничения переопределяются в индивидуальные способности, и какую роль в этом играет нарративная идентичность.

Нарративные идентичности и жизненные возможности: две истории

Как мы показали, критическое событие – падение градообразующих предприятий – разрушая привычный и понятный мир, нарушает непрерывность *idem*; вместе с поиском стратегий выживания или новых сфер приложения труда, запускается процесс дискурсивной работы по управлению собственной биографией. Рассказы людей о себе – это истории о том, какой они видят сложившуюся систему общественных отношений, и как (пере)определяют свое место в ней; порядок и последовательность отобранных для рассказа событий направляют общую логику организации истории, и предполагают определенную идею целостности субъекта

(кто я, кем я был, кем я стал и почему так получилось) в рамках нарративной идентичности.

Анализируя сюжеты рассказанных историй бывших работников заводов, мы выделили следующие основания, вокруг которых выстраиваются нарративные идентичности. Во-первых, это принадлежность (к группе или заводскому сообществу: я – часть сообщества). Во-вторых, практика (навыки, умения, квалификации: я – то, что я делаю). Наконец, этика (личностная целостность, «моральное постоянство»: я – принципы, которым я следую – *ipse*).

Первое основание – это социальный аспект идентичности, тот самый *idem*, который разрушается вследствие кризиса предприятий. Второе – практическое – основание нарративной идентичности представляет собой промежуточный сценарий. С одной стороны, это все еще социальный аспект идентичности, с другой – её основание находится не «вовне» (сообщество), а «внутри» (собственные силы и навыки), поэтому «ядро идентичности» в ситуации кризиса предприятий оказывается менее уязвимым. Моральное постоянство – этическая составляющая идентичности, *ipse*, менее уязвимая в ситуации кризиса и способная при нарушении непрерывности *idem* ставить вопрос об идентичности независимо от него.

В некризисной ситуации «социальное» и «этическое» измерения совпадают или непроблематично сочетаются; в ситуации кризиса или слишком быстрых изменений непрерывность *idem* нарушается из-за невозможности реагировать на изменения и интегрировать их в характер, не нарушая тождественности, и самость начинает выдвигать требования идентичности без опоры на *idem*. Однако при резких изменениях обстоятельств этот переход проблематичен, не только на уровне рассказываемой истории, но и в привязке к воспринимаемым и реализуемым жизненным возможностям. Рассмотрим, как раскрывается взаимосвязь нарративной идентичности и воспринимаемых жизненных возможностей, на примерах двух историй.

Нарративная идентичность, основанная на принадлежности к сообществу

Лидия, 52 года, имеет высшее инженерное образование, в Бердске работала на каждом из трех заводов, дольше всего – конструктором на БЭМЗ (более 10 лет). Попала под сокращение в 1994 г., с тех пор по специальности не работала. На момент исследования состояла на учете в службе занятости г. Бердска. История рассказывается от первого лица, преимущественно от лица «коллективного субъекта» – «мы переехали», «мы работали» и т.д. События, из которых складывается рассказанная история жизни, касаются в основном работы (и ее потери), коллег и их дальнейшей судьбы, семьи, приобретения квартиры. Через эти темы раскрывается характер – категории «мы» и «я», в которых информант говорит о себе.

Рассказываемая история четко разделена на две части: до и после кризиса предприятий. До кризиса последовательность событий выстраивается

четко и непрерывно: окончание вуза в Новосибирске, первая заводская работа, появление семьи и детей, переезд в Бердск, город «спокойный и более комфортный для детей», работа на БЗБП, немного на «Веге», затем 10 лет на БЭМЗе в должности инженера-конструктора. Разметка пространства города в соответствии с тремя заводами описывается как понятная и предсказуемая, а принадлежность к «заводскому сообществу» непротиворечиво связывает социальную принадлежность, материальную среду обитания и этическую цельность субъекта («лучшие люди, работающие на одном из лучших заводов, работающие на общее благо»).

После того, как происходит поворотное событие – увольнение с завода по сокращению – из рассказа пропадают содержательные детали и хронологическая упорядоченность, текст становится скорее перечислением отдельных фрагментов, слабо связанных между собой. Важными темами в рассказе о кризисном этапе жизни оказываются темы невозможности найти себя в новых условиях, утрата профессиональной идентичности:

после завода [были] временные разные работы, случайные совершенно, потом – стройка, потому что если уж после всего и работать, то зарабатывать, а больше зарабатывать на жизнь нигде было. А потом, когда здоровье кончилось на стройке – пришлось уйти. Ну и вот на учет встала в центре занятости.

Семья имеет участок земли, на котором выращивает овощи для собственного потребления, но работа на дачном участке вносит вклад в ощущение неопределенности своего положения в новых условиях:

конечно, есть у нас участок земли, выращиваем там, овощи, что необходимо, мы на этом живем. И картошку мы сажаем на поле... в, общем, так мы и не знаем, то ли мы крестьяне, то ли мы рабочие, то ли кто. Живем вроде в городе, а сельская работа.

Что касается временной организации нарратива, то повествование в основном опирается на прошлое; настоящее после разрыва оказывается неопределенным, а будущее – пугающим. Прошлое, вокруг которого строится рассказ о себе и о городе, представляется отдаленным; к примеру, в самом начале беседы Лидия «перенесла» год своего сокращения с завода на 20 лет назад, с 1994 на 1974 г., и заметила ошибку только к середине беседы, когда стали появляться нестыковки в хронологии. Такой сдвиг по временной оси – еще одна иллюстрация того, что кризис заводов и потеря основной работы оказывается критическим разрывом, и прошлое в сегодняшней ситуации уже ничем не поможет:

Давно [по специальности] не работаю. С 74-го... или с 76-го ли года, не помню... Ой, я вру же! С 94-го! Конечно, с 1994-го! Но все равно очень давно, больше 10-ти лет прошло, и меня уже никто не возьмет на конструкторскую работу, конечно.

Рассказ подкрепляется сравнением своей ситуации с историями других людей, которые находились в момент кризиса в сходных с Лидией условиях; в основном вспоминаются те из них, кто смогли устроиться в новых условиях (иногда даже сохранить работу по основной специальности):

вот знакомые, кто-то, их сократили в одном месте – они в другое устроились, на БЭМЗе сократили – они в городок переехали, там тоже есть такая работа... конструкторская. Уже пенсионеры, а так и работали потихонечку, там потихонечку, потом еще где-то потихонечку... А мы вот застряли.

«Застревание» упоминается в рассказе неоднократно, сопровождается попытками найти в прошлом ошибки, и в конечном итоге проговаривается как последствие собственной неудачи, невозможности приспособиться:

Мне вообще кажется, у меня в этой жизни как-то мало ума. Может, надо было где-то по-другому поступить – не знаю. Как-то люди же, я не знаю, работали же вместе... А потом смотрю – все торговать пошли почему-то. Они вот не гнушались торговлей – и они вышли... а мы вот... с чем остались.

История Лидии – пример нарративной идентичности «характера» (*idem*). Социальное и этическое измерение идентичности совпадают; точнее, совпадение имело место в прошлом, а кризис и увольнение с завода разрушили единство характера. Изменения оказались слишком быстрыми и радикальными, для того чтобы их эффекты постепенно интегрировались в характер; новую «связную систему» так и не удалось выстроить, что иллюстрируется различиями временной организации и содержательного наполнения повествования о жизни «до» и «после» кризиса. История жизни после кризиса – это «нарратив исключения», в котором позитивная идентичность – принадлежность осталась в прошлом, а невозможность (определяемая как «неспособность») построить что-то новое взамен исключает человека из важнейших сфер жизни в сегодняшнем Бердске и делает пугающей перспективу на будущее. Лидия до сих пор проживает кризис: профессиональная идентичность размыта, определенность пространственной и социальной разметки города утрачена, «свое» сообщество «лучших людей, работающих на лучшем из заводов» больше не существует. Обращенность истории в прошлое, использование прошлых неудач в качестве обоснования отсутствия возможностей сегодня, переопределение структурных ограничителей в собственную несостоятельность и признание этой несостоятельности сужают спектр воспринимаемых жизненных возможностей практически до нуля.

Нарративная идентичность как этическое постоянство

Галина, 62 года, имеет высшее экономическое образование, сменила много мест работы и несколько профессий, в том числе поработала некоторо

время на ПО «Вега», состояла на учете в службе занятости. На момент исследования – пенсионер, инвалид, подрабатывала на дому, применяя знания по базовому (экономическому) образованию.

Если в предыдущем примере идентичность выстраивалась на «характере» (принадлежность к заводскому сообществу), то здесь в основе нарративной идентичности лежит этическое постоянство, в категориях Рикера – «сдержанное слово» (*ipse*). История рассказывается от первого лица, но субъект здесь индивидуален («я», а не «мы»). История жизни с первых минут беседы рассказывается как «череда преодолений», а разрывы в биографии, смена мест работы и профессий, бытовая неустроенность только подчеркивают этическую непрерывность идентичности («я не теряю себя, несмотря ни на что»):

у меня такая судьба интересная, я очень поздно получила собственное жилье, у меня всегда какие-то срывы... у меня всегда накануне того, как я должна была что-то получить, случался какой-нибудь катаклизм социальный, например, переставала существовать организация, или вливалась в более крупную... И вот сюда я пошла работать за жилье.

Единственное, что остается стабильным в рассказываемой истории – перемены. Кризис градообразующих предприятий в выстроенной таким образом истории является событием, укладывающимся в общую логику «постоянных перемен»:

мое образование позволяло и позволяет много чего делать, обучаться и действовать... все держались за место, и ценился непрерывный стаж на одном месте работы, а у меня так получилось, что в среднем раз в 5 лет я полностью меняла профессию.

Что касается временного измерения повествования, то рассказ в его естественном течении хронологически не выстроен, но не потому, что информант не может этого сделать, а потому, что порядок событий не имеет для рассказа решающего значения. Порядок событий может быть восстановлен через их привязку к важным, поворотным событиям:

... у меня с годами плохо. Конечно, есть ключевые точки, вот в 91 году я получила эту квартиру... В январе 92 года был доклад Рыжкова, мы пошли в магазин за сметаной, и она стала стоять, по-моему, в 30 раз дороже. И я уволилась, у нас зарплату не платили... Потом я ушла в фонд, там платили прилично... к 98 году я накопила, наконец, деньги на отпуск. И 20 августа 98 года я прилетела в Москву [смеется].

Изменчивость профессиональной траектории и незначительное внимание, уделяемое хронологии событий, контрастируют с постоянством и определенностью этического измерения идентичности, которое позволяет связать события жизни, обеспечивая рассказываемой истории постоянство во времени:

Я всю жизнь думала внутри себя, как бы мне не потерять себя. И я ушла в прошлом году, потому что поняла для себя, что вот эта вот работа чиновничья – она... просто эрозия личности у меня начала происходить... когда поймала себя на том, что я себя немножко вроде уже идентифицирую с чиновничьим классом, думаю, нет, своя личность дороже, надо врать когти.

Содержательная сторона этического компонента идентичности, который обеспечивает истории непрерывность, проясняется отсылками к классической литературе, с легкой иронией, поскольку осознается как ограничение, «закрывающее» некоторые возможности, к примеру, поднять уровень жизни, который «после советского времени никогда не был приемлемым»:

мы страшно бедствовали все, потому что работали, а зарплаты не получали, а встать на биржу труда – это было же такой позор, ты что! Мы какие книжки читали – там, Драйзер-шмайзер, это же ужас, унижение, и это надо скрывать...

Этическое измерение идентичности проявляется и в ситуациях, когда определенные варианты не рассматриваются до тех пор, пока не произойдет переопределение их моральной оценки. Так получилось, например, с биржей труда:

Да, однажды приехал знакомый художник из Москвы, собралась большая компания <...>, и мне все сказали: ты почему не встаешь на биржу труда? Я говорю, вы что, это же позорно. «Ты с ума сошла, у нас все мечтают, чтобы их сократили. Иди и вставай!» Ну, я пошла и встала. И это оказалось действительно классно.

Далее становится понятно, что биржа труда появилась на горизонте жизненных возможностей, превратившись из «позорного пятна» в инструмент профессионального и личностного роста:

я еще месяц за их счет поехала на курсы, они оплачивали дорогу, пособие было как пособие, а еще я и стипендию, не помню в каком размере, получала за то, что обучалась. И получила сертификат, и все было так хорошо. Оказывается, фонд занятости – это было большое счастье, а никакой не позор, вот так вот.

Будучи с одной стороны ограничением, приоритет этического основания нарративной идентичности позволяет не только рассказать «связную историю переменной жизни», но и предложить «этический авторитет» как обоснование тому, что жизнь состоялась, несмотря на несоответствие некоторым принятым в обществе критериям социального благополучия:

Конечно, я бедная. Вот босоножки стоят 2000 рублей – я с апреля прицениваюсь к одним и тем же босоножкам, у меня не поднимается рука. У меня не хватает, на самом деле, на насущное... Но я себя такой не считаю. У меня другие ценности, я богата другим.

Этот пример иллюстрирует другой (по сравнению с примером Лидии, рассмотренным ранее) «предел»: в основании нарративной идентичности – этический компонент, непрерывность во времени обеспечивается этическим постоянством, а катаклизмы, из которых складывается рассказ, только подчеркивают эту устойчивость. Если первая история – образец «нарратива исключения», то здесь мы видим нарратив «преодоления и верности принципам», в котором кризис и неопределенность также не преодолеваются, но проживаются намного легче, поскольку социальные трансформации не нарушают этического постоянства (не ставят под угрозу «ядро идентичности»).

Содержательно этические основания созвучны тем, что проговариваются как значимые в первой истории (неприемлемость торговли, постыдность неумения справиться с проблемами самостоятельно и другие). Но здесь они выступают скорее как предмет для гордости, чем как ограничение; возможность же переопределения неприемлемых сценариев в категориях альтернативных ценностных иерархий (как в примере с биржей труда: «не позор, а саморазвитие») позволяет расширять горизонт воспринимаемых возможностей.

***

Таким образом, воспоминания о разрушении привычного и понятного мира «в городе трех заводов» продолжают играть важную роль в жизни бывших работников градообразующих предприятий. Прошлое включается в истории о настоящем как важный элемент, определяющий представления о себе, своих способностях, о профессиональных и жизненных возможностях сегодня. Нарративная идентичность, с одной стороны, обеспечивает непрерывность существования во времени, несмотря на разрывы, связанные с кризисом предприятий; с другой стороны, она может являться одним из механизмов закрепления и воспроизводства социальных неравенств.

Проведенный анализ нарративных идентичностей, выстроенных на контрастных основаниях («принадлежность к сообществу» и «этическое постоянство») показал, как бывшие работники градообразующих предприятий Бердска, оказываясь на периферии новой социально-экономической организации, (пере)определяют себя в новых условиях и «усваивают» структурные ограничения, закрывающие для них многие жизненные возможности, как собственную неспособность приспособиться и реализовать себя. В терминологии Гая Стендинга (2014), бывшие работники промышленных предприятий пополняют ряды прекариата: в новых условиях у этих людей нет базовых социальных гарантий, профессиональной определенности, стабильной занятости и жизненной перспективы. Кроме того, размываются профессиональные идентичности, а взамен не формируется ни сильных сообществ, ни объединяющих нарративов, к которым можно было бы присоединиться и через это преодолеть структурные ограничения.

С одной стороны, этому препятствуют распад заводских сообществ и индивидуализация жизни после кризиса градообразующих предприятий. С другой стороны – идеология индивидуализма, подкрепляемая «историями успеха немногих», работает на переопределение структурных ограничений в индивидуальные способности, и складывающиеся таким образом идентичности закрепляют и легитимируют существующее положение дел. Люди, находящиеся в сходных, неблагоприятных условиях жизни, не осознают их общности и структурных причин, обвиняя ли себя в том, что так сложились обстоятельства или располагая себя «вне» последних. Для изменения этой ситуации необходимо развитие местных сообществ и практик коллективного участия в решении общих проблем, которые могли бы стать основой для новых идентичностей и новых жизненных возможностей.

Список источников

- Борисенкова А. *Поль Рикёр и социология события* // <http://gefter.ru/archive/10544> (дата обращения: 20.09.2014).
- Бурдые П. Биографическая иллюзия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2002. (1): 75–81.
- Ечевская О. «Жизнь после падения гигантов»: нарративные идентичности жителей промышленного города // *Этнографическое обозрение*. 2014. (3): 35–51.
- Рикер П. *Я – сам как другой* / пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
- Рождественская Е. Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // *Социология: 4М*. 2010. (30): 5–26.
- Стендинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Ashwin S. Endless Patience: Explaining Soviet and Post-Soviet Social Stability // *Communist and Post-Communist Studies*. 1998. 31(2): 187–198.
- Gronow J. *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia*. Oxford: Berg, 2003.
- Hann C. et al. Anthropology's Multiple Temporalities and Its Future in East and Central Europe: A Debate with Comments from Milena Benovska, Aleksandar Bošković, Michał Buchowski, Don Kalb, Juraj Podoba, David Z. Scheffel, Petr Skalník, Michael Stewart, Zdeňek Uherek, Katherine Verdery and a reply from Chris Hann. *Working Paper No. 90*, Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale. 2007.
- Kalb D. Afterword: Globalism and Post-socialist Prospects // C. H. Hann (ed.) *Post-socialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*. London: Routledge, 2002: 317–334.
- Poblocki K. Whither Anthropology without Nation-State? Interdisciplinarity, World Anthropologies and Commoditization of Knowledge // *Critique of Anthropology*. 2009. (29): 225–252.
- Stenning A. Work, place and community in socialism and post-socialism // A. Herod, S. McGrath-Champ, A. Rainnie (eds.) *Handbook of Employment and Society: Working Space*. Cheltenham: Edward Elgar, 2010: 197–212.
- Truc G. Narrative Identity against Biographical Illusion: The Shift in Sociology from Bourdieu to Ricoeur // *Études Ricoeuriennes / Ricoeur Studies*. 2011. 2 (1): 150–167.
- Wacquant L. *Urban outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity, 2008.

Olga Echevskaya

LIFE STORIES AND LIFE CHANCES: SOCIAL INEQUALITIES IN THE WORKERS' NARRATIVE IDENTITIES

This article discusses the life histories of former factory workers who had previously worked at those enterprises in an industrial town in Western Siberia upon which the settlement was founded. Having survived the crisis of the 1990's, the town still depends upon them. Based on the analysis of semi-structured interviews with former factory workers, an analysis is presented as to how biographies are "split" into before and after the crisis and re-assembled into consistent stories of the self, or in P. Ricoeur's understanding, narrative identities. The article also considers how these stories shape the scope and repertoire of "perceived opportunities" today. Two contrasting examples of narrative identity formation, that of "sameness" and "selfhood" based on community and ethics, respectively, are discussed. The analysis shows how narrated self-perceptions, often individualized and past-oriented and rarely involving any positive agenda for the present or prospects for the future, contribute to legitimization of the existing logics of inequality and exclusion.

Keywords: narrative identity, postsocialism, precariat, social identity, social inequality

References

- Ashwin S. (1998) Endless Patience: Explaining Soviet and Post-Soviet Social Stability. *Communist and Post-Communist Studies*, 31(2): 187–198.
- Borisenkova A. (2013) Pol' Riker i sotsiologiya sobytiya [Paul Ricoeur and the Sociology of the Event]. Available at: <http://gefter.ru/archive/10544> (accessed 20.09.2014).
- Bourdieu P. (2002) Biograficheskaya illyuziya [Biographical Illusion]. *Interaktsiya. Interv'yuy. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], (1): 75–81.
- Echevskaya O. (2014) "Zhizn' posle padeniya gigantov": narrativnye identichnosti zhitel'ey promyshlennogo goroda ["Life After the Fall of the Giants": Narrative Identities of the Residents of an Industrial Town]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (3): 35–51.
- Gronow J. (2003) *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia*, Oxford: Berg.

Olga Echevskaya – PhD (Candidate of Sociology), docent at the Sociology department (Novosibirsk State University), researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering (SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: echevskaya@gmail.com)

- Hann C. et al. (2007) Anthropology's Multiple Temporalities and Its Future in East and Central Europe: A Debate with Comments from Milena Benovska, Aleksandar Bošković, Michał Buchowski, Don Kalb, Juraj Podoba, David Z. Scheffel, Petr Skalník, Michael Stewart, Zdeňek Uherek, Katherine Verdery and a reply from Chris Hann. *Working Paper No. 90*, Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale.
- Kalb D. (2002) Afterword: Globalism and Post-socialist Prospects. C. H. Hann (ed.) *Post-socialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*, London: Routledge: 317–334.
- Pobłocki K. (2009) Whither Anthropology without Nation-State? Interdisciplinarity, World Anthropologies and Commoditization of Knowledge. *Critique of Anthropology*, (29): 225–252.
- Ricœur P. (2008) *Ya – sam kak drugoy* [Oneself as Another], Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2010) Narrativnaya identichnost' v avtobiograficheskom interv'yū [Narrative Identity in Autobiographical Interview]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], (30): 5–26.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [Precariat: the New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem.
- Stenning A. (2010) Work, Place and Community in Socialism and Post-Socialism. A. Herod, S. McGrath-Champ, A. Rainnie (eds.) *Handbook of Employment and Society: Working Space*, Cheltenham: Edward Elgar: 197–212.
- Truc G. (2011) Narrative Identity Against Biographical Illusion: the Shift in Sociology from Bourdieu to Ricoeur. *Études Ricoeuriennes / Ricoeur Studies*, 2(1): 150–167.
- Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts: a Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge: Polity